

«Международная журналистика»
Секция Союза журналистов России Заседание на тему:

Станет ли «арабская весна» «арабской зимой»?

Модератор секции – Армен Оганесян,
главный редактор журнала «Международная жизнь»
27 января 2012 года

МЕЖДУНАРОДНАЯ
 ЖИЗНЬ

«Международная журналистика» Секция Союза журналистов России. Заседание на тему: Станет ли «арабская весна» «арабской зимой?»

Богданов Всеволод Леонидович, председатель Союза журналистов РФ: Здесь собрался малый круг единомышленников обсудить ситуацию, которая обстоит с международной журналистикой в России и в Москве. Само по себе это замечательно. Наше первое за-

седание сегодня - это пролог будущей работы международной журналистики в России. Это такая важная сфера общественного сознания, особенно сегодня, когда мы полностью окунулись в океан попсы. Попса сегодня захватила власть в общественном сознании и не только; мы сегодня видим ее и в экономике, и в политике. От шоу-бизнеса попса перешла на более важные сферы сознания и сегодня уже руководит. И те фамилии, которые стыдно было бы

назвать в приличном обществе когда-то, сколько-то лет или десятилетий назад, сегодня они от имени общества разговаривают с правительством, властью, они требуют, они доказывают что-то. Когда вспоминаешь тех людей, которые занимались этой частью журналистики, то любая фамилия произносится как некое святое имя, это ветераны, старики, как можно было бы сказать о них. Я помню, как мы одному из последних, самых ярких представителей

международной журналистики присудили премию «Золотое перо», это было 6 или 8 лет назад. Я говорю о Станиславе Кондрашове, он пришел и попросил меня сделать вручение этой премии не на балу прессы, а в Доме журналистов. Мы собрались, пришел тогдашний главный редактор газеты «Известия», где он писал, это было задолго до того, как «Известия» полностью сменили свой имидж, свой стиль, лишились своего храма, своего здания. Тогда он сказал мне, что мы сдаем свои позиции. Международная журналистика, международные журналисты – это очень мощные, супервысокообразованные, компетентные люди, я бы сказал, с научным сознанием. Их фамилии можно долго называть с придыханием. И когда это все вдруг пропало из общественного сознания, это оказало негативное влияние и на политиков, и на политологов, не только на таких политологов, которых губит необразованность, многим политологам и политтехнологам сейчас не хватает практики и знания жизни, но и на самых высоких политиков. И то, что эти два человека - Армен Гарникевич Оганесян, главный редактор журнала

«Международная жизнь», и Генрих Зигмундович Юшквичюс сказали, что, не объединяя международную журналистику, не делая встреч по этой теме, не выращиваем новые поколения международных журналистов, мы совершаем преступление. Самое потрясающее, что мы не задумываемся о том, кто будет после нас заниматься этими темами, темами важнейшими для общества. Более того, мы намеренно потворствуем этой политике на медийном пространстве, когда важнейшие темы жизни мира, глобальные проблемы, мы выкидываем их для обсуждения, для познания их обществом. Я помню, когда Михаил Таратута собкором работал еще в Сан-Франциско, я был однажды у него в гостях. И он повел меня в свою студию-подвал, где показал мне свою коллекцию фильмов о жизни американского общества, о тех ценностях, о той жизни, которой жили американцы: политики, бизнесмены, обыватели – тот средний класс, который мы пытаемся вырастить. Он говорил, что скоро приедет в Москву и будет показывать ее в России по телеканалам для познания и понимания американской жизни. У меня были тогда сомнения, что это примут с восторгом в

Москве. Он приехал в Москву, и все вы знаете судьбу М. Таратуты: ни на каком канале он не стал ни обозревателем, ни комментатором. И сегодня фильмы, автором которых он стал, лежат у него в кладовой в Москве.

Очень много проблем, и это не только ностальгия, это обеднение общественного сознания. Это большая драма. Поэтому мы пойдем по этому пути - создадим клуб международной журналистики, в котором мы бы обсуждали наиболее важные проблемы, темы, придумали бы какие-то хорошие формы общения в этом международном клубе. Это может быть самый разный уровень. Раньше был клуб, который работал в Центре международной торговли под эгидой послов США и Германии с китайской кухней. Эти встречи были крайне полезными, они много дали. Встречи, такие как пресс-конференции, могут быть и деловыми, круглые столы по самым важным темам. Очень важно, чтобы молодые люди, которые интересуются международной политикой, тоже участвовали в этом. Я с энтузиазмом отношусь к этой идее. Спасибо большое за нее! На этих мероприятиях будут острые дискуссии,

будет больше оптимизма и веры в то, что мы сумеем повернуть общество к очень важным темам, проблемам, вопросам. Генрих Зигмундович Юшкявичюс, советник гендиректора ЮНЕСКО, который был недавно заместителем гендиректора ЮНЕСКО, имеет отношение к очень важной теме из жизни мирового сообщества. Он имеет отношение к жизни мирового сообщества. Как только глобализация стала захватывать позиции в мире, он со своим другом, гендиректором Фредериком Мейором выступил с прекрасной идеей противопоставить глобализации культуру мира. Это была такая концепция, которая обнадеживала. Я очень рад, что именно он стал президентом международного клуба Союза журналистов. Я думаю, что тема культуры мира может стать одной из главных тем и направлений сегодня. Армен Гарникович Оганесян много сделал в иновещании. Иновещание много потеряло с его уходом. Я надеюсь, что создаваемая им международная секция журналистов позволит вернуть утерянные позиции. Предоставляю слово Генриху Зигмундовичу Юшкявичюсу.

Юшкявичюс Генрих Зигмундович, советник генерального директора ЮНЕСКО, вице-президент Евразийской академии телевидения и радио (ЕАТР), президент Международного клуба Союза журналистов России:

Когда меня избрали президентом Международного клуба Союза журналистов, я понял, что не обойтись без секции международных журналистов, правда, у клуба было уже несколько встреч. Мы встречались по олимпийской тематике, это было очень интересно. Виталий Смирнов - член олимпийского комитета рассказал такие истории про олимпийские игры, которые практически никто не знал. Мы договорились тогда, что будет очень откровенный разговор и не обязательно, чтобы появлялись какие-то отчеты в прессе. Вместе с Арменом Гарниковичем мы присутствовали на таком одном из заседаний международного клуба в Париже. Там выступали представители разных направлений и

разных стран. Я, например, слушал там выступление одного высокого чиновника из Индии, который рассказал про отношения с Китаем в таком плане, о котором я никогда и не подозревал и, наверное, никто не подозревал. Там, например, выступал бывший руководитель Моссада, который рассказывал такие вещи, которые, конечно, не появились в прессе, но это было крайне интересно. Присутствовали представители посольства. Была и у нас встреча, где мы представляли первый номер литовского литературного журнала на русском языке, где замминистра иностранных дел Литвы читал свои стихи. Такие встречи, конечно, своеобразные. Был у нас Евгений Максимович Примаков, который довольно верно предвидел и предусмотрел, как будет дальше развиваться «арабская весна». Я должен сказать как советник гендиректора ЮНЕСКО, что в ЮНЕСКО сейчас тоже проходит в эти дни большое мероприятие, посвященное «арабской весне». Оно имеет несколько другой характер, потому что там присутствуют с арабской стороны художественные коллективы, выставки художников – то есть несколько другое осве-

щение.

Когда мы говорили о теме данной секции с А.Г. Оганесяном, то мы отметили, что есть признаки того, что «арабская весна» превращается в «арабскую зиму» (думаю, все присутствующие согласятся). А что касается международной журналистики, я согласен, что чувствуется этот вакуум. Я не знаю, как считают остальные, но я не нашел по телевидению, радио или какой-то статье о том, что на самом деле сегодня происходит в Венгрии. Нигде не видел. А что на самом деле происходит в Болгарии? Кто знает? Никто. А что сегодня происходит в Монголии? В конце концов, кто знает, какими письменами сегодня пишут в Монголии: латиницей или своей письменностью. Мы начинаем терять образ мира. И, конечно, без международной журналистики мы потеряем его. Это важно не только для понимания, что творится в мире, это важно и для понимания, что творится в нашей стране. Поэтому, я думаю, что создание этой секции очень важно. Я поздравляю А.Г. Оганесяна, что он сейчас председатель этой секции. Предоставляю Вам слово, Армен Гарникович.

Оганесян Армен Гарникович, главный редактор журнала «Международная жизнь»: Я хочу поблагодарить Всеволода Леонидовича Богданова и Генриха Зигмундовича Юпкявичюса за эту инициативу, которая не является только моей личной инициативой. Совершенно справедливо здесь говорилось, что, может быть, не лучшие времена переживает международная журналистика, хотя много очень отрадных явлений в этой области, не буду их перечислять. Но не все так плохо. Да, были кризисные 1990-е годы, когда международная журналистика тоже переживала достаточно серьезный кризис. Мне кажется, сейчас есть признаки возрождения. Тем более важно сейчас нам объединить усилия вокруг этой секции. Сегодня у нас первое заседание. Мы планируем и мастер-классы, и проведение круглых столов. Но на самом деле, чего не хватает современной международной журналистике, это, конечно, не хватает, как я считаю, двух

вещей: русского языка и общей культуры. С этого надо начать. Но это беда всей отечественной журналистики в целом: не хватает лексики, общекультурного образования. Второе, чего не хватает – это глубины анализа, умения увидеть множественности факторов на одно явление, многовекторности развития современного контекста международной жизни, которая очень усложнилась. Эта примитивизация многих процессов может больно ударить, к сожалению, не только по журналистике. К сожалению, в какой-то мере она отражает уровень в целом, уровень аналитики, которую мы читаем иногда в самых официальных справках. Приходится читать, поскольку наш журнал находится в недрах МИДа. И когда получаешь некоторые аналитические материалы, то иногда удивляешься. Хотелось бы большей глубины. Не берусь оценивать состояние академического сообщества, у нас здесь присутствуют его представители. Что можно противопоставить этим основным вызовам? Мы планируем проводить встречи, конференции с привлечением зарубежных аналитиков и журналистов. В Париже недавно проходила конферен-

ция, проводимая при поддержке Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям, где участвовали главные редакторы крупных наших изданий, Петр Рафаэльевич также участвовал. Там было достаточно много вещей, новых для нас с точки зрения того, как воспринимают нас в мире, и это было очень интересно. Одна из тем - это затасканная тема «образа России», нужно переводить ее, конечно, в очень прагматическую сферу. Не наша задача вводить в заблуждение и создавать образ того, чего не существует. Мы почувствовали, что там совсем иные ожидания от России, иные ожидания от работы СМИ России. И нам было очень интересно услышать критику в наш адрес: «Почему вы не говорите, не рассказываете об этом?». Нам уже не нужно искать эти моменты, они сами открыли нам глаза на то, о чем мы не пишем. Я думаю, что этот диалог с нашими зарубежными коллегами и в рамках нашей секции мы будем продолжать. Нас очень поддерживает МИД, они тоже очень заинтересованы в этом. Дело не в том, что мы хотим превращать это в очень официальное мероприятие.

Сатановский Евгений Янович, президент Института Ближнего Востока:

Я хотел бы сказать, что наш институт негосударственный. В Академию наук официально не входит, зато, что я говорю, отвечаю в личном качестве. Безусловно, очень хочется рассказать, о том, что происходит в Монголии, Генрих Зигмундович подбросил мне тему. Со мной учился один из их президентов в институте, я немножко знаю эту тему. Но поскольку Монголия не ближний и не даже не дальний Восток, а где-то рядом, то поговорим о заявленном регионе. Я не очень понимаю, почему события, которые начались там в прошлом году называли «арабской весной». Это очень красиво, это благородно и замечательно звучит, с самого начала было ясно, куда это все ведет и чем кончится. Сейчас прошел год – выборы в Египте. Все несколько растеряны, во всяком случае наши западные коллеги, тем, что произошло на этих выборах, потому что либералы и веселое

студенчество, молодежь, женские движения, представлявшие Мохаммеда Аль-Барадея. Совсем не на то международные организации и сам Аль-Барадей надеялись, получив всего 1%. С президентскими амбициями он ушел далеко. Но это более-менее понятно. На Ближнем Востоке, там, где, ваххабитское движение Катар, Саудовская Аравия. Замечательная идея. Что хвост всегда вертит собакой, поэтому наши западные коллеги бросились в это все частично из-за достаточно больших и серьезных перспектив, которые там нарисовались. Они пошли поддерживать демократию, но демократия на самом деле не та, которую ждали, это другая демократия. Но это единственный тип демократии, который есть на Ближнем и Среднем Востоке со времен Исламской революции в Иране, построивший вполне демократичную страну, которая тоже не всем нравится. Это исламская демократия. Можно говорить о политическом исламизме, радикализме, о том, что политический ислам практически все поле бывших секулярных авторитарных режимов. Это не демократия прав меньшинств, прав женщин, тем более прав сексуальных меньшинств, у которых там и на жизнь нет

никаких прав, как показал Афганистан. Есть там право большинства уничтожить меньшинство в худшем случае, в лучшем случае ограничить. Если мы вспомним, какой тип демократии победил в Европе после Первой мировой войны, совершенно не важно был это Пилсудский или Третий рейх или наша собственная родина. Это и была демократия. У Сталина была самая демократическая конституция на планете. Это демократия притеснений меньшинств, сверхрадикального рационализма, будущей борьбы всех против всех. Такого типа демократия и победила. Почему там должна быть другая? Может быть, на Среднем и Ближнем Востоке через три поколения что-то изменится. Хотя религиозная система гораздо более консервативная, чем мы видели до того. Если взять нашу территорию – начали в Югославии, в Сербии, и закончили там же в Сербии. Две мировые войны, холодная война, холокост, геноцид цыган – какая кровь была. Но это отдельные темы. Вот в этот период сейчас вошел Ближний и Средний Восток. В середине всего этого безобразия новая Оттоманская империя. В своей книге профессор Ахмет Давутоглу

еще лет 10 назад написал об этом в своей книге «Стратегическая глубина». Ее, правда, на английский и на русский не разрешили издать, на греческий перевели. К 2023 году, к 100-летию республики идет стройка нового Стамбула в европейской части, новый канал Эрдогана через Босфор и Дарданеллы. Новая персидская империя Иран, которая через год-полтора будет иметь атомную бомбу. Другого выхода у Ирана, с точки зрения иранского руководства, нет. И никакие компромиссы с иранским руководством невозможны. Это все равно, что предлагать Мао Цзедуну или Сталину отказаться от атомной бомбы. Это бессмысленный диалог, поскольку есть примеры: у Саддама Хусейна не было атомной бомбы, но все равно его страну разгромили, а самого повесили. США смогли договориться с Каддафи. Но пришел новый американский президент, страну разгромили, его линчевали. Есть подозрения, что в Северной Корее есть одно-два устройства. А это совершенно людоедский режим, по сравнению с которым и Садам, и Каддафи были вполне мирными людьми. Но пальцем никто не трогает этот режим, это пример достаточно ясный

для подражания. Это означает, что режим нераспространения помимо «арабской весны» просто обрушился, поскольку иранское устройство означает гонку ядерных вооружений. Как специалист я могу сказать, что 40 стран в мире технологически могут производить атомное оружие. Из них 20 стран будут его иметь через 10-15 лет, так как технологически нет ничего сверх, как это было у нас в конце 1940-х гг. XX века. Сейчас в XXI веке с новыми технологиями все проще. Какие-то страны могут сделать это за несколько месяцев: Япония, Южная Корея. Новая агрессивная политика Иранской персидской империи (плюс борьба консерваторов и неоконсерваторов внутри страны). Как сказал А.А.Игнатенко, формируется «новый священный союз новых арабских монархий». Это совет рабских государств залива, где абсолютно доминируют Катар и Саудовская Аравия, привлекающая Марокко и Иорданию, а сегодня и абсолютно монархический Египет. Это серьезный военно-политический кулак, который по их представлениям по линии сунниты-шииты более-менее способен сбалансировать Иран. На сегодняшний

день мы стоим перед некоторым количеством тяжелых войн: малых, средних, большой региональной войны с Ираном. Последний из которых, о нем надо сказать: конфликт Израиля и арабов. Поскольку воевать с Израилем в Арабском мире серьезно никто не хочет – это тяжелое и малопродуктивное занятие. Израильцы заняли очень активную оборону, и сегодня просчитано, что если им придется воевать с Ираном, Турцией, Египтом, в руинах Иордании и Сирии, то они отобьются. Тем не менее война, где столкнутся интересы арабских монархий и Ирана практически неизбежна. «Двое пернатых в одной берлоге не живут», - как мудро в свое время сказал генерал Лебедь. В Персидском заливе невозможно разрешить это противоречие (шиитского и суннитского ислама) без военного конфликта. Это может взорваться на чем угодно: на Ираке, на Ливане, на Сирии, на Йемене, на противостоянии, просто на очередном подавлении шиитов в Бахрейне или в восточной провинции Саудовской Аравии. Можно дальше прописывать сценарий. Дальше во все это очень серьезно будет вовлекаться Америка в качестве первого и главного стратеги-

ческого партнера арабского монархического полуострова. База в Катаре – первый главный для Ирана объект. Далее исламская революция по-ирански в Египте. Идет очень серьезная ваххабизация, близкая к «Аль-Каиде». Она идет и в Ливии, и что очень опасно в Египте. Переламывать эту ситуацию с исламизмом можно только в войне с Израилем, больше нигде. В Египте сейчас две управляющие силы. Военная хунта, к которой относился и Х. Мубарак, и многие другие. Армия сейчас управляет Египтом, которая контролирует 20% ВВП. Мы помним, как это было в Иране: война с Ираком и шахская армия уничтожена. Синайский полуостров не подконтролен Каиру. Трубопровод газа, который идет из Египта в Израиль и Иорданию взрывали уже больше 10 раз. Появились группы чистейшей «Аль-Каиды» на севере Синая – достаточно серьезная, острая ситуация. В такой демократии нет американского оптимизма. Пример - вывод советских войск из Афганистана, после которого было 11 сентября. Где будет еще одно такое 11 сентября (в Париже или еще где-то), угадать невозможно. Поддержать «Аль-Каиду» и не получить благодарности

за это практически неизбежно.

Ситуация с Россией такова: конфликт с Ираном для нас беда, но не катастрофа (для бюджета это точно). В любом случае некоторый опыт получен. Вряд ли в рамках Сирии РФ допустит ситуацию, как это было в Ливии. Потеря в 4 миллиарда была жестоким уроком для руководства страны. Другие аргументы тут не работали. Люди, достаточно контролируемые серьезный бизнес, когда деньги потеряны, это и для России, и для Китая оказалось очень серьезным уроком. Сирийская ситуация такая. Наша задача остаться в стороне, продав всем что можно, но при этом не поссориться с Западом. Потому что основной покупатель нашей нефти и газа - это Запад. Простые деловые аргументы всегда слышат и американцы, и европейцы. Если российская позиция кому-то нужна, ее нелегко изменить, это дорого будет стоить. Поток беженцев с иранской территории будет большой. Они не пойдут в Афганистан или Пакистан, где тяжелейшая ситуация, не в туркменские леса. На Азербайджан и на Россию поток пойдет. Потенциал беженцев, по оценкам наших коллег, от 300 до 800 тысяч

человек в Россию либо через Азербайджан, либо по Каспию напрямую. Астраханская область, Северокавказский округ не готовы. Как-то провели учения на Каспии, продемонстрировали, что мы есть. Учитывая, что у нас с Ираном основной территориальный конфликт, точнее разногласия, 20% Иран требует по Каспию (это удар по Баку и Астане), но нас он очень сильно касается. Конфликт с Ираном, как всегда, дает и плюсы и минусы. Если он будет, хотя бы газопровод Набукко останется без наполнения. Дальше будущие конфликты с Турцией по поводу того, что Сочи, Анапа тоже ее северные территории. Это будущее время. Посмотрим, что будет в 2014 году. Под Олимпиаду очень серьезно раскручивается фактор «черкесского терроризма», в том числе с территории Турции. Несколько тысяч человек сидят в Пакистане с русскими паспортами, они вернутся и будут партизанские джамааты в Татарстане, вполне возможно что-то подобное будет в Москве и в Питере, и других крупных центрах. И это выльется в серьезную проблему. Бог троицу любит.

Попов Вениамин Викторович, директор Центра партнерства цивилизаций ИМИ МГИМО (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Ливии в 1991-1993 гг.:

Начну с некоторых комментариев по поводу международной журналистики. За последнее время, 10-20 лет, темпы изменений в мире стали поразительными, стремительными. Такого никогда не было. И эти изменения и дальше будут носить такой же характер. К сожалению, не все успевают осознать, осмыслить и сделать должные выводы из этих событий нашей текущей жизни. И частичный результат – это то, что называется «арабской весной». Не просчитали. Я соглашусь, что возрастает важность и роль профессионализма во всем. Особенно касается это предвидений. Мне кажется, что «арабская весна» – это не очень удачное выражение. Я трактую «арабскую весну» значительно шире. Она началась с известных революций в Тунисе и в Египте. Это были спонтанные сти-

хийные движения, которые мало кто предусматривал. У нас был недавно министр иностранных дел Египта, он говорил, что никто этого не ожидал. Египет жил неплохо, с приростом экономики 5-7 % в год, но в основном все эти проценты шли богатым людям, а бедняки ничего не получали. Глобализация, век Интернета, новых технологий дали нам новые движения. Это движения в Арабском мире за социальную справедливость. Скоро мы столкнемся с проблемой – дефицитом питьевой воды. Но самый большой дефицит – это социальная справедливость. Эти движения начались с наиболее уязвимой точки – с Арабского Востока. Но они продолжились и дальше. Не случайно в Нью-Йорке, на Wall Street был плакат: «Превратим Wall Street в площадь Тахрир!». Эта площадь стала синонимом или символом революционных преобразований. Надо сказать, что ситуация в Индии формировалась под определенным воздействием той же площади Тахрир. Не исключаю, что то, что происходит сейчас у нас, тоже отголоски и реакция на то, что происходило тогда на Тахрир. Революция имеет свою логику. И те, кто начинает ее, не обычно ее закан-

чивают, и во всяком случае не пользуется ее плодами. Это логика всех революций. Мы видим это сейчас вочию в Египте, Тунисе и в других местах. Что происходит? Фактически плодами этой революции Интернета, молодежной революции воспользовались исламисты. Они были самой уязвленной группой. Они самые угнетенные, больше всех пострадавшие от существовавшего режима. Они выиграли демократические выборы. Будет очень серьезный процесс подъема политического ислама. Этот процесс будет продолжаться, хотим мы или нет. Он будет захватывать все большее количество стран. Он очень сильно будет влиять, прежде всего на Европу (и не только потому, что там больше 40 миллионов мусульман). Мы проанализировали небезызвестный документ (в котором 1500 страниц), Брейвика, норвежца, который убил 77 своих соотечественников и ранил более ста. Это страшное злодеяние, дикий теракт. Но документ очень интересен. В этом документе он отмечает, что в Европе через 20 лет будет гражданская война, в которой погибнут десятки тысяч человек. Причем, он говорит, что надо убивать «всяких нехороших людей»,

типа профессоров, медийных людей, политиков, которые не понимают значения исламизации, значения того, что грозит Европе. А потом будет борьба против ислама, в которой погибнет около миллиона людей. Сейчас Брейвика хотят объявить сумасшедшим, но я думаю, что он на самом деле отражает мнения, взгляды и ощущения очень многих людей в Западной Европе. Посмотрите, идет процесс быстрой поляризации сил в Западной Европе, но и укрепления правых, радикальных, антиэмигрантских партий. Еще не известно, кто выиграет выборы во Франции. А эти партии из каких-то ранее маргинальных превратились в партии мейн-стрима (main stream). Они задают тон.

Теперь о том, что будет на Арабском Востоке: идет подъем политического ислама. Запад, растерявшись после тунисской и египетской революций, быстро пришел в себя. И мы это четко видели на примере Ливии. Запад пытается использовать эту ситуацию в своих интересах, и пока довольно успешно. Я согласен с предыдущим оратором, который говорил, что суннитско-шиитская рознь будет одной из важных составляющих обстановки на Ближ-

нем и Среднем Востоке. Во всяком случае, там очень много сил, которые заинтересованы в том, чтобы эту рознь и эти разногласия разжигать и дальше. И отсюда ситуация вокруг Сирии. Во многом объясняется этими мотивами ситуация в Йемене и, конечно, кризис вокруг Ирана. Не приведи Господи, если это будет. Посмотрите, какая острая борьба идет в США вокруг ближневосточной тематики. Все основные кандидаты в президенты от Республиканской партии ругают Обаму, прежде всего, из-за того, что он недостаточно поддерживает Израиль. И второе, что он недостаточно тверд с Ираном. Поэтому эти вопросы становятся осевыми и для международной жизни. Мы будем долго вспоминать 2011 год как достаточно спокойный, потому что впереди будут гораздо более значительные потрясения. И, может быть, это придется на 2013-2014 годы, и нам надо будет к этому готовиться. Потому что в Египте и Тунисе основная борьба развернется не между светскими и исламистскими партиями, а внутри исламистов. Когда радикалы будут уверять умеренных в том, что они не выполнили обещания революции и будут пытаться

свергнуть их и самим взять власть.

Оганесян А.Г.: Очень интересно, спасибо. Кстати, у нас не обозначена тема Ирана, но, конечно же, любой экспертный анализ, будь он журналистским или академическим, неизбежно рассматривает дилемму Ирана как влияющую на ситуацию в целом на Ближнем Востоке и не только там.

Акопов Погост Семенович, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Ливии (1986-1991 гг.), Председатель Совета Ассоциации российских дипломатов:

Я хотел бы приветствовать создание секции «Международная журналистика», и очень приятно, что заседание секции проходит в присутствии ваших коллег – дипломатов. И это не случайно, даже закономерно то, что вы пригласили нас. Ведь даже за рубежом мы работали вместе с журналистами-международниками и в посольствах, и других местах.

Касательно заявленной сегодня темы. Мне не совсем по-

нятно, что такое «арабская зима»? Если этот вопрос связан с тем, что будет после того, что произошло, то однозначного ответа у меня нет. Единственное, что могу сказать, ожидать стабилизации в ближайшем будущем нельзя. Причины здесь разные. В Египте 16 лет проработал, в Ливии почти шесть лет. На примере этих стран хотел бы сделать некоторые комментарии. Если взять причины, которые привели к случившемуся в Египте, то здесь приоритетными стали социально-экономические факторы. В свое время революция 1952 года произошла, и Насар дал что-то народу. Провел аграрную реформу (землю отобрал и раздал крестьянам), собственность иностранную национализировал, создал государственный сектор, построил десятки предприятий, которые в той или иной мере обеспечивали или давали народу что-то ежедневно и ежегодно, и т.д. Насар ушел, Саддад отошел от сотрудничества с Советским Союзом и другими соцстранами. Эта линия заморозилась. Чтобы компенсировать это, американцы давали в помощь Египту 2,3 миллиарда долларов ежегодно. Я приехал в Египет в 1969 году, тогда население было 27 миллионов.

На сегодняшний день оно составляет 84 миллиона. Прирост населения в Египте такой высокий – второе место в мире. То, что давали американцы, так поглощалось, что не давало никакого эффекта. Даже туризм, который стал развиваться, не покрывал нужды населения страны. Главная причина – бедственное положение народа – заставила массы выйти на улицы. Не думаю, что кто-нибудь в ближайшее время может решить проблемы, которые есть в настоящее время в этой стране. Не думаю, что их будут кормить или братья-мусульмане, или американцы. Потребуются какие-то новые программы или пути, по которому должен пойти Египет. Что касается Ливии, то там внутренняя борьба сегодня очевидна всем. Вновь в Ливии выступили сторонники Каддафи. Бесмысленно ожидать, что эта борьба скоро закончится. Противоречия среди самих участников этой кампании в Ливии (Франции, Германии, Италии и США) очевидны: между ними будет идти борьба за захват нефтяных источников. И внутренняя, и внешняя борьба приведет к тому, что в Ливии долгое время не будет стабилизации.

Оганесян А.Г.: Мы сейчас посмотрим на ситуацию под другим углом – израильским.

Стегний Петр Владимирович, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Израиле, доктор исторических наук:

Хорошая идея – собраться международникам. Хотелось на будущее видеть больше молодых лиц. Разделяю мнение, высказанное относительно того, что не хватает глубины многим печатным изданиям. Но мир меняется. Чтобы найти алгоритмы понимания того, что происходит в настоящее время, необходимо порой возвращаться к истории давней. «Арабская весна» началась зимой, неизвестно, когда закончится, поэтому здесь смена времен года – политических или климатических – не так существенна.

Я недавно вернулся со Святой земли. Помню, что где-то в январе совершенно случайно я встретился в Тель-Авиве с американским послом на таком же мероприятии, послабее форматом. Он отозвал меня в сторону и спрашивает о том, что происходит в Египте. Я

усомнился в правдивости его вопроса. А он продолжает, не знаем мы, правда, что происходит, просто какой-то мозговой шторм в головах. После контактов в израильском МИДе и не только там, я понял, что для всех, когда и как это началось – всплеск накопившегося народного гнева был своего рода ожидаемой неожиданностью. С одной стороны, все эксперты по Ближнему Востоку прекрасно понимали, что верхи не могут, низы не хотят, градация этого разрыва носила критический характер. Была ли революционная ситуация – были на этот счет разные точки зрения. Все эти события называли с конца 80-х гг. Было понятно, что в том почти глобальном процессе демонтажа постсоветских структур, который прошел через Балканы, Восточную Европу, с 2004 года – с Большого Ближнего Востока, с Лондонской восьмерки – поставил в практическую плоскость и этот регион. Противоречивый – он был расширен, на мой взгляд, стратегически ошибочно, он был расширен до Большого Ближнего Востока, потому что соединение взрывоопасных мировых Балкан – был использован термин З.Бзижинского. Треугольник Афганистан, Пакистан, Иран соединение с

этим арабским телом от динозавра сформировало своеобразную критическую массу, которая придает особую цену тому, чтобы понять, что происходит, и, главное, что будет происходить завтра и послезавтра. И как это вписывается в новые механизмы обеспечения региональной, даже глобальной безопасности? На лицо ядерные риски, некая двойственность понимания смысла происходящего, завышенные ожидания относительно того, что демократия, как панацея, вылечит все социальные беды и откроет некие новые возможности для урегулирования застарелых конфликтов, в т. ч. ближневосточного конфликта. Так ли это? Я не готов дать окончательные ответы на любой из этих вопросов.

Какой характер приняла сейчас международная аналитика, международная журналистика? Вопрос стоит и о сетевых революциях. Что это? Это некий гальванизированный процесс, который мог пройти сам по себе? Я имею в виду социально-политические катаклизмы, которые произошли.

Я сейчас себе представил 1917-й год, как Ленин и Троцкий по интернету в файсбуке совещаются, как выдвигать рабоче-крестьян-

ские отряды ближе к Зимнему дворцу. Я подумал, что это в принципе ничего бы не изменило. Все равно процесс вызрел так, как он вызрел. Милюков или Терещенко, даже тот же Керенский, больше баловались в интернете, а вот эти ребята превратили бы уже тогда интернет в то оружие, которым он стал сейчас. К чему я это говорю? Смотреть на арабские страны и то, что там происходит, как на экспортный продукт не продуктивно. Понятно, что все это, во-первых, результат пожизненных президентств, во-вторых, неспособности тех структур, которые сформировались в 50-60-е годы, и последующих всяких деривативов, смотря по регионам Арабского мира, модернизировать свои страны, не только бороться с нищетой, социально-экономическими проблемами, но ввести их в этот глобализирующий мир. Что, на мой взгляд, сейчас принципиально важно с учетом времени. Остановлюсь только на двух моментах.

Во-первых, я приглашал оглянуться назад. Все более или менее понятно. Итоги парламентских выборов в Египте показывают, что и нуристы-сулемисты, и братья-мусульмане, у которых колоссальный опыт подпольной борьбы,...по-

нятно, что у них в головах...примерно понятно, как пойдут эти линии раздела и очень важно, чтобы не довести их до того, чтобы они не превратились в линии фронта. Явно, что и политически, и физически, и морально Запад поддержал вот эту трансформацию на Ближнем Востоке. Главный вопрос - что же дальше? Есть ли деньги, чтобы ресурсно-обеспеченно содержать целый ряд стран после того, как потрачено около половины триллиона долларов в Афганистане и Ираке, после того, как весь мир ощущает последствия в рамках этого финансового кризиса той политики, кто будет платить на данном этапе.

Мы видим, что происходит в постсоветском мире, когда Россия худо-бедно заботится о бывших советских республиках. Вот эти сформированные не структурированные толпы людей, которые выплескивают негативную энергию. Как будут контролироваться эти процессы?

Здесь правильно говорили о том, что структурируется некая новая балансировка сил в Арабском мире, выделяются нефтедобывающие арабские страны, кто-то пытается быстрее примкнуться, кто-то пока не имеет таких возможностей. Но насколько этот суннитский

кулак будет формировать общую политику Лиги арабских государств. По ситуации Сирии и по позиции ЛАГ вроде бы получается так, что в ней видна позиция этих стран. Но относительно того, чтобы проплачивать процесс, я думаю, что ничего такого не будет. Меньше денег у американцев и у Евросоюза – эти финансовые проблемы очень хорошо были видны в ходе военных операций против Ливии. То, что сейчас будет происходить, может выйти в длительный, неоправданно затянувшийся процесс политической и экономической анархии, если не будут предприняты некие меры. Я думаю, что здесь российскую политику не надо выработать на противоходе объективно развивающимся региональным процессам, на противоходе с Западом, с американцами и т.д. Я думаю, у нас достаточно серьезный опыт для того, чтобы креативно подойти к этой ситуации, выделить основные риски и пытаться сотрудничать с Западом, желательно на новой основе, с приливом каких-то молодых креативных сил. Можно было бы переводить эти каналы двусторонней помощи, которые были у Евросоюза. Мы знаем, что Махмуда Аббаса и Западный

берег содержат европейцы, американцы. Сейчас нарастают проблемы в рамках той же «арабской весны», потому что те же проблемы и в Палестине. Если мы хотим посмотреть, куда пойдут братья-мусульмане, давайте посмотрим Газ, куда идет Хамас.

Я думаю, что мы могли бы выйти с инициативой в рамках международных структур (в ООН, ЮНЕСКО) относительно того, чтобы помогать переключать помощь режимам, находящимся в состоянии трансформации, на международные структуры. Заканчивая, я хотел бы сказать, Иран – это самое слабое звено в этой ситуации с учетом всех обстоятельств. Не дай бог, прервутся переговоры в рамках этой международной контрольной структуры. Здесь нам надо занимать абсолютно однозначную позицию – все что угодно, но только не конфликт, связанный с этим треугольником нестабильности, откуда сильно пахнет ядерной серой.

Оганесян А.Г.: Сейчас Израиль ощущает себя, если не в блокаде, то градус конфликтности с арабским миром существует. Учитывая, что вы в этот период работали в Тель-Авиве, у меня такой вопрос – насколько силен страх Израиля?

Стегний П.В.: Позиция Израиля формировалась в течение длительного времени, практически года, и она эволюционировала. Первая реакция была – зачем трогать те режимы, которые подписали мирные договоры, и границы с которыми более или менее спокойные. Граница Сирии до мая прошлого года, до манифестаций, была самым спокойным участком израильского внешнего периметра. По ходу событий началась легкая трансформация, хотя были и упреки со стороны израильтян к американцам, что своих не сдают. Это очень нехорошая вещь, которая может иметь совершенно неожиданные последствия, поэтому такую двойственность я, например, ощущаю до сих пор. С одной стороны, зачем стремиться к лучшему, когда и так было более или менее хорошо, с другой стороны, опасения исламистов, что там есть скрытая угроза.

Федоров Петр Рафаэльевич, глава отдела международных отношений ВГТРК:

Начну, во-первых, с того,

что сегодня у нас заседание первой секции. Я пессимистичен по поводу ближнего будущего международной журналистики в России, потому что в отличие от прошлых лет, когда я формировался как журналист в международном отделе «Маяка» и «Известиях», мы были офицерами психологической «холодной войны». Мы знали, кто наш противник, мы знали, в чем состоит политика нашей страны, мы знали оспоренные сейчас национальные интересы СССР. К сожалению, сейчас национальные интересы России не сложились. Я не говорю сейчас, что не сформулированы, не выработаны, их нельзя выработать, их пока еще нет. Национальная идея в сжатом смысле обычно формулируется в первой строчке гимна. «Правь, Британия, царица морей!» «Вперед, вперед, сыны Отчизны!» (Франция) Есть еще польская Несгинела. «Славься, Россия» – не национальная идея, поэтому, по сути, журналистам, ежедневно работающим и пишущим, не ясно, а что они защищают, что они прикрывают, против чего они действуют. Пока история, время не формулирует, не сконцентрирует национальный интерес нашей страны, который вовсе не совпадает с интересами или не

обязательно совпадает с интересами Кремля, они могут вступать в противоречия - это бывает. Международная журналистика будет находиться в состоянии пилотного огонька в газовой колонке. Пойдет напор - пойдет горячая вода, а так - огонечек теплется. И если мы будем помогать теплиться этому пилотному огоньку, уже - Слава Богу. Что касается самой темы, которую мы сегодня обсуждаем, пожалуй, я более оптимистичен, чем передо мной выступавший. Во-первых, я абсолютно не согласен с тем, что события были неожиданными. Они были ожидаемы, они исторически были описаны. Коллегам я цитировал книгу этого умнейшего английского историка середины 20-го века. Он в 50-х годах писал, что в ближайшее столетие будет временем реакции Востока на многовековую доминанту Запада. И это объективный процесс. Ему нельзя поставить ногу, как ногу под паровой каток. Можно притормозить слегка вторжение в Ирак, вторжение в Афганистан, но не остановить. В 2003 году, перед вторжением в Ирак, все писали, что последствием будет возвышение Ирана и его попытки стать региональным лидером, исламизация всех мусульманских

стран и нарастание конфликта между шиитами и суннитами. Все было предсказано. Вопрос только времени. Я не валю на США, я говорю о том, что ничего неожиданного не было.

Дальше. Я - не ближневосточник, поэтому смотрю на ситуацию в целом. Речь идет о том, что из объекта европейской политики этот огромный регион становится самостоятельным субъектом, со своей историей, со своими проблемами. Возможно, начнется война между суннитами и шиитами. Ну что же. Была 30-летняя религиозная война в Европе. Наверное, это страшно - то, что я говорю - но люди имеют право на свою историю, которую мы прошли, кровавую, страшную. Страшнее европейской истории мир еще ничего не придумал. И получается так, что Ближний Восток вступает в полосу самостоятельной истории. Я думаю, что все труднее и труднее будет воздействовать, подкупать, манипулировать политическими силами. Но надо и совершенно твердо признать, если возможны христианские демократы, то равным образом возможны и мусульманские демократы. И это не что-то выпадающее, не что-то, являющимся нонсенсом в политике и истории. Мусульмане имеют право на

это, и они на самом деле достаточно агрессивно это право сейчас защищают. Иногда это приобретает страшные формы, как «Аль-Каида», но, поверьте, это защита мусульман иметь свою историю, свое право, свою политику. Чем это нам грозит? Опять-таки у меня нет такого пессимистического взгляда. Евгений Янович Сатановский блестяще нарисовал то поле, но в нем я вижу некоторые противоречия: либо это союз империй по примеру Священного римского союза (то, что после наполеоновских войн было создано на Венском конгрессе), либо это Османская империя - территория-то одна. Я не вижу, что из Турции происходили какие-то территориальные притязания. Турция достаточно лихо превращает себя в главный транспортный узел и цент газоводородов. Это правда! Либо страны Магриба с саудами (это бывшая часть Оттоманской империи) или с оттоманами. Вот так расширять из каждого игрока угрозу - я с этим не согласен.

Иран. Скажите, когда в последний раз от Ирана исходила агрессия, когда Иран начинал войны? Последние 200 лет агрессии не было. Словесная была. Считать Иран непредсказуемым режимом может только без-

умец, потому что у кого нет ядерного оружия, тому будет плохо. А вот то, что получение Ираном ядерной бомбы приведет к режиму нераспространения, с этим я не согласен. Потому что Пакистан, Индия и Израиль без всякого разрешения вступили в ядерный клуб и никакого обрушения не произошло. Ахминиджад пытается достичь такого состояния, которое в свое время прекрасно описал Голд Мейер: «У Израиля ядерной бомбы нет, но если надо, он ее применит». Поэтому я не верю в катастрофические сценарии. Во-первых, я думаю, европейцы должны перестать считать мир ислама объектом своих манипуляций, своего воздействия и считать младшим братом. Чем быстрее это произойдет, тем гармоничнее дальше будет развиваться земля.

Сорокин Эдуард Алексеевич, политический обозреватель РГРК «Голос России»:

Прежде всего, я считаю, что очень хорошо, что создалась такая секция. То, что международная журнали-

стика у нас в упадке, это совершенно очевидно. Я просто хочу напомнить, что в старые времена, даже советские, сколько по телевидению было международных передач: «9 студия», «Международная панорама», 2 раза в день выходила «Сегодня в мире», «В странах социализма», из которых мы могли узнать, что делается в той или иной стране. То же самое по радио: «Политические обозреватели за круглым столом» (каждое воскресенье), в выпусках новостей Всесоюзного радиобыли обязательно международные комментарии. Одним словом, международная журналистика занимала важное и необходимое место. Сейчас этого нет. Я не могу вспомнить ни одной чисто международной передачи по телевидению или на радио. Может быть, секция что-то и подтолкнет. Стоит приглашать больше и журналистов-международников, и иностранных журналистов, чтобы услышать их мнение о России.

Вот мы говорим о Сирии. Я хочу задать вопрос г-ну Сатановскому. Москва призывает к тому, чтобы мирным путем урегулировать этот конфликт. С другой стороны, Москва продолжает поставлять оружие в Сирию. С.Лавров сказал, что тут мы не нарушаем никакие согла-

шения и обязательства. Но ведь можно допустить, что это оружие используется против повстанцев. Нет тут ли какого-то противоречия? Я думаю, что западный журналист задал бы такой вопрос.

Сатановский Е.Я.:

Каждый день мне задают такой вопрос западные журналисты. И каждый день отвечаю: оружие обязательно будет использоваться против повстанцев, точно так же, как поставленное Каддафи или Мубараку. Оружие всегда кого-нибудь убивает. Нравится ли мне это? Нет. Двойной стандарт – есть стандарт политики. Россия в данном случае опирается на опыт, полученный в 90-е годы, особенно в начале, когда мы особенно активно поддерживали Запад. МИД практически был департаментом госдепартамента. Начиная с Примакова и кончая ливийскими событиями, мы были нейтральными. Ни в том, ни в другом случае ничего не получили полезного – результат все равно один. То, что наши коллеги безумно похожи на Советский Союз – они распространяют демократию там же, где мы распространяли социализм, под теми же лозунгами, с теми же успехами.

Сорокин Э.А.:

Хорошо, что поднимается вопрос об Иране. Так или

иначе, Иран влияет на ситуацию на Ближнем Востоке. Мы видим, что и Лига арабских государств активно выступает. Иран не нападал, но может напасть, потому что ситуация так складывается, что может быть и такое.

Последнее предложение. Поскольку секция намеревается работать, я предлагаю следующую тему «Российско-американские отношения». Много ходит разговоров о том, кончилась ли перезагрузка или нет, или она принимает какие-то новые формы.

Орлов Александр Арсеньевич, директор Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ:

Изменения в мире происходят совершенно спонтанно по мере того, как протекают противоречия в конкретном регионе. Что касается Ближнего Востока, мои коллеги говорили, что они давно уже вызревали, но сейчас, видимо, дошли до той стадии, когда накопленные противоречия выливаются в революции. Надо ясно и четко понимать, что эти революции с социально-экономи-

ческой подоплекой. По сути дела, если мы вернемся на год назад, люди плохо живут, у молодежи нет работы и будущего, а значит, нет перспективы, поэтому и происходят революции. Это налаживалось и на длительность режимов. Всем известно, что когда одна личность долгое время находится у власти, она начинает вызывать определенное отторжение. Эта универсальная тенденция, не характерная только для Арабского мира.

Что касается арабо-мусульманского мира ... Если Советский Союз и США объединяло некое миссианство, то идеологические модели были различными. Надо признать, что та идеологическая модель, которую предлагал СССР, она была востребована в значительной степени в развивающихся странах, в странах третьего мира. За последние 20 лет усилиями Запада она была вытеснена, сейчас происходит заполнение образовавшегося вакуума за счет идеи ислама. Они могут быть менее или более радикальными, но этот тезис о социальной справедливости в значительной степени присутствует. Во всех аспектах исламская идеология религиозно-политическая, социальная. Сам процесс очень интересен, он как бы

структурируется до конца. И плюс, мне бы хотелось обратить внимание, что инструментарий для этих процессов выбран то же интересно – из Западного мира. Все это делается под лозунгами демократии. Напомню, что бесноватый фюрер пришел к власти тоже демократическим путем, но во что это только вылилось, мы все прекрасно это знаем. Я далек от апокалиптических предсказаний. Я многое читал зарубежной журналистики. Если, как здесь уже говорилось, российская международная журналистика страдает от нехватки аналитики, то западная – нет.

По поводу всех этих арабских революций зарубежные международные журналистики выделяют, по крайней мере, 4 группы. 1 группа – это Ливия и Йемен, там ситуации наиболее неопределенные и наиболее тревожные. Что касается Ливии, то там вообще непонятно, что происходит. Был захват города сторонниками Каддафи или не был? – никто не знает. Короче говоря, ситуация не в полной мере находится под контролем властей и может перейти, чего все опасаются, в стадию хаоса и как результат – фрагментизация государственности. Что касается Йемена, то опасность заклю-

чается в том, что в результате всех этих действий к власти могут придти радикальные мусульмане, связанные с «Аль-Каидой». То же перспектива очень нехорошая.

Что касается Египта и Туниса, то здесь ситуация наиболее прогнозируемая, хотя и не во всем. Но, как полагают многие западные аналитики, развитие ситуаций в этих странах возможно по турецкой модели. В Египте, самое главное, надо найти баланс между исламистами (они есть радикальные и умеренные), между армией, между прозападной в большей степени интеллигенции и между христианским мень-

шинством. Исламисты будут доминировать в представительных органах власти. Они сейчас доминируют в парламенте, думаю, вскоре и президент будет исламистом. Остается армия, которая может играть такую же роль, которую играла турецкая армия на протяжении нескольких десятилетий фактически гаранта конституции, гаранта светской системы со всеми вытекающими из этого последствиями. И, конечно, фактор толпы в Египте, тоже очень важный фактор. Потому что мы все прекрасно видим, что социально-экономическая подоплека революции оста-

ется, по большому счету там ничего не изменилось. И то, что сейчас люди выходят на улицу и говорят, что у нас украли революцию по происшествию одного года, подчеркивает, что социально-экономические аспекты остались не решенными. И здесь будет главным аспектом – кто овладеет толпой. Либо она будет ориентироваться на радикальных исламистов – это самый опасный вариант, либо – на другие силы.

Следующее – это Бахрейн. Мы как-то забыли об этом государстве, но там на лицо имеются суннитские и шиитские настроения. Если будет навязываться демокра-

тическая модель, на чем настаивает Запад, то это может привести к падению правящей династии, в чем и заинтересован Запад, и здесь есть главное противоречие. То есть, с одной стороны, Запад поддерживает демократию, но здесь ему придется поддерживать статус-кво.

Последнее – ситуация в Сирии. Я не буду ее анализировать, эта тема другого круглого стола. Итог такой: там ситуация не столько драматическая, режим Асада должен в ближайшее время упасть. Видимо, многое будет зависеть от того, произойдет ли эрозия режима. Скорее всего, Запад будет работать по этому направлению, потому что военные операции по варианту Ливии там едва ли возможны. Все-таки опора у Асада достаточно серьезная, и население, конечно, более продвинутое в светском плане, и есть, безусловно, боязнь повторения всех этих ошибок.

Беляков Владимир Владимирович, Институт востоковедения РАН:

На мой взгляд, главная беда

международной журналистики не в том, что по-русски не имеют писать, а в том, что не знают проблем и стран. А их не знают, потому что у нас племя собкоров фактически вымерло.

Я 15 лет проработал в Египте, постоянно туда езжу, я хорошо знаю эту страну. Какую ахинею несли по телевизору, особенно во время этих демонстраций, в Египет посылали своих собкоров, которые по-английски толком-то говорить не могут, с трудом знают, где Египет находится. Зачастую, к сожалению, то же самое происходит и с нашими политологами. Прежде чем анализировать, надо знать предмет. Я, например, глубоко убежден, что социальные проблемы в Египте не были причиной и толчком к революционным событиям. Об этом я написал в апрельском выпуске журнала «Международная жизнь». Социальные проблемы там вторичны, они сейчас только вспыхнули, шел антиреволюционный шквал. Умники-революционеры до полной победы провоцируют ситуацию, провоцируют военных. Военных ругают за жестокость обращения, а вы поглядите, они ведь не подготовлены и не оснащены для борьбы с манифестацией. Во-вторых, как вы себя почувствовали

на месте солдата, которого бросают, как молот. Конечно, он звереет и начинает защищать себя и стреляет. А антиреволюционная волна еще пошла и потому, что по первоначальному плану высшего руководства у Египта давно должен был быть и нормальный парламент, и конституция, и президент. Юные революционеры клянчили себе отсрочку, надеясь, что за это время они могут сорганизоваться в приличные, влиятельные партии и оттеснить исламистов. Они оттолкнули от себя решения этих проблем и тем самым помогли исламистам. То, что «Братья-мусульмане» собирались набрать 35-40%, они и набрали. Конечно, самой важной сенсацией был высокий уровень голосов, поданных за салафитов. Это ведь явление в Египте сравнительно новое. Это началось во времена Саддата в 70-х гг., когда египтяне начали ездить на заработки в Саудовскую Аравию и в другие страны Персидского залива. Еще это удивило и тем, что, честно говоря, салафиты очень антиполитичны, там даже раскол был среди них. Ведь они не участвовали в революции вообще, потому что их проповедники призывали их отстраниться от этого. Что касается «братьев», я

почти убежден, что они пойдут на союз с либералами, а не с салафитами. Даже не потому, что они это уже обещали, а потому, что они с салафитами плохо монтируются. Дело в том, что в Египте 20 млн последователей суфизма. Так что после революции салафиты стали громить суфийские святыни, тем самым очень испортив отношения с суфитами.

На мой взгляд, а я оптимист, Египет движется, хотя и с некоторыми скачками, но естественным путем. Минимум демократии будет. Мне кажется, что президент Мубрак сам загробил себя, даже не тем, что вовремя не убежал, а тем, что дал молодым экономистам уже в 21-м веке свободу либерализации экономики. Страна резко шагнула вперед экономически, а вместе с либеральной экономикой пришли и экономические идеи и все, что с этим связано – и интернет, и телефоны... Сейчас население Египта – 84 млн, из них 75 млн номеров мобильных телефонов. Это, во всяком случае, говорит о технической оснащенности и о стоимости. Я думаю, что, в конце концов, революционеры свой минимум демократии получают. А то, что они собираются революцию продолжать, это все-таки – ошибка юности.

Воронин Евгений Ростиславович, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО (У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Панаме в 2004-2009 гг.:

Я хочу вернуться к тому, что сегодняшняя тема – это все-таки «арабская весна», а не «арабская зима». И не потому, что уже сегодня все ясно с «арабской весной». Нет. Много неясно. Но и сказать: мы никакого представления не имеем, что там происходит, так тоже нельзя. Но что ждет, в первую очередь, самих арабов? На данный момент на Арабском Востоке происходит именно то, что происходит после каждой революции, после каждого переворота. Я хочу подразделить сегодняшнюю ситуацию условно на две части. Ситуации до начала «арабской весны», до начала конфликта в Ливии – этого наиболее вопиющего факта с точки зрения иностранного вмешательства. И ситуации, которая сегодня сложилась после того, что произошло: что ждет после этого мир, и, прежде всего,

арабский мир?

Все причины, которые побудили к революциям, носят внутренний характер. Но все-таки мы не можем сбрасывать со счетов западного влияния, прежде всего, наших западных партнеров, прямо скажем – Еврoатлантического сообщества. Если брать влияние Запада, то очевидно – без этого влияния не будет ничего ни на Ближнем Востоке, ни в любом другом регионе мира. Хотим мы этого или не хотим, но то, что произошло, произошло не без участия Запада. Мы опускаем такой важный фактор, как общественное мнение западных стран. Ведь, по сути дела, все, что произошло сейчас на Западе, если брать отношение их людей к ливийской натовской авантюре, имеет тотальный консенсус. Даже, если принимать во внимание, что Германия никоим образом не участвовала в расправах, то все равно 59% процентов населения, по данным тех же немецких экспертов, поддерживали то, что произошло в Ливии при вмешательстве Запада. И эти цифры больше, чем в Италии, в которой одобрили действия НАТО 45%, и в Великобритании – 53%. Большая часть населения выступала за политику, которую Запад ведет сейчас в от-

ношении Ближнего Востока.

Ситуация сейчас, как мне представляется, находится в непонятном состоянии. Что я имею в виду? По некоторым западным оценкам серьезных ученых и аналитиков, произошло «неожиданное — ожидаемое». Неизвестно, кто придет к власти в этих странах. Несмотря на мнения многих западных исследователей, которые утверждают, политический ислам не будет занимать решающее место в жизни возрождающегося, как они заявляют, Арабского мира, этот политический ислам уже вышел на арену. И Запад на данном этапе не знает, что делать, какие шаги предпринимать.

Шумилин Александр Иванович, Институт США и Канады РАН:

Очень хороший форум дипломатов и журналистов. Звучат по-настоящему здравые оценки. Что для меня приятно, что и из мидовской среды они исходят, потому что мы как-то привыкли воспринимать мидовские оценки как офи-

циоз.

Причины событий, как говорил Петр Владимирович Стегний, исключительно внутренние, с минимальным влиянием внешних факторов, которые были всегда. Полностью поддерживаю мнение о том, что причины носили социально-экономический характер. Все, что происходит в обществе, это социальные процессы. По сути, эти процессы политические, которые касаются буквально всех стран. От Сирии, Ливии, Бахрейна — все, что объединяет происходящее в задетых так называемых «революциях» в арабских странах. Это все события политического уровня. Я называю эти «революции» трех нет: нет правящей партии, а есть партия выбранного большинства, нет национальному лидеру, есть временно избранный президент, и свобода СМИ. Вот это то, что объединяет все, повторяю, страны, без исключения. И это есть существенно, а социально-экономические, больше с акцентом на экономическое, это действительно вторично. Те экономические проблемы всегда будут существовать в Египте: народ и улица вполне адаптированы. Цель молодежи в революциях Туниса и Египта — это получение лифтов, зачищенные дорожек в том числе, в

этом есть проявление социального процесса.

Мне очень нравится сегодняшнее обсуждение. Вполне здравое, ибо на всяких форумах международного уровня, в которых приходилось принимать участие на протяжении этой «арабской весны», к большому моему сожалению, представители официальной власти России (Совбез, Администрация президента) давали свои оценки происходящего. И это зачастую в международной аудитории звучало таким диссонансом, резко оторванным от жизни, что все эти события спровоцированы США. Когда это слышишь от официальных лиц на российских международных конференциях, то, в общем, как мы говорили в детстве, «уши вянут». К сожалению, эта точка зрения сохраняется, она доминирует. Вот что любопытно. Я хотел бы это подчеркнуть, эти события необычайным образом вдруг сблизили вновь Россию с официальным Израилем. Второй раз. Первый раз это случилось после 11 сентября, когда на почве борьбы с терроризмом Москва и Иерусалим или Тель-Авив (кому как нравиться) сошлись в оценках и начали взаимодействовать на международной арене в антитеррористическом ключе. Многие были обес-

покоены позицией. И вдруг мы сейчас вновь наблюдаем совпадение официальных позиций. Это действительно страннный феномен, который нужно осмысливать. Я недавно встречался с Либерманом, который находился здесь с визитом 5-6 декабря, тогда он оказался единственным официальным лицом иностранного западного государства, который назвал прошедшие 4 декабря выборы легальными и справедливыми, за что он, естественно, получил похвалу в Кремле от Путина. Если отследить позицию израильского МИДа, как проецируются взаимоотношения с Россией, то можно найти много точек совпадения.

Подцероб Алексей Борисович, ведущий научный сотрудник Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Ливии в 1993-1996 гг.: Огромная тема, которую мы сегодня затронули, очень много аспектов. Вот, вообще, демократия – решение проблемы для арабских

стран? Готовы они к демократии или не готовы? Но это отдельная тема. Мне хотелось взять тему, более приземленную, и сосредоточиться только на ней, поскольку нельзя объять необъятное, а именно влияние внешнего фактора. Естественно, что все события там – это аксиома – но силы внутренний характер, только так возникают социальные движения. Так было во Франции в Великую революцию, так было у нас с Февральской революцией. Всегда возникает какая-то соломинка, которая ломает спину верблюда. Внешний фактор, конечно, роль играл. Во-первых, безусловно, США. Идея расчленения Ближнего Востока и Северной Африки, агитация в пользу демократических реформ, передачи телестанции Ахура, спутниковое телевидение (это не Интернет), оказывающее колоссальное влияние. Понимаете, это демонстрационный эффект. Оно не катализатор этих событий, но что оно их усиливало, то, что оно их подталкивало, это совершенно явно. Второе. Пропагандистская война, которая была развернута и Западом, и противниками режимов. Это было в Ливии, это было и в Сирии. Громоздились и громоздятся

горы лжи и очень эффективно. Они оказывают влияние на умы. Я имею в виду западные и некоторые арабские информационные машины – это тоже факт.

Другая сторона – это военная интервенция. От этого никуда не уйдешь. Ведь в Ливии борцы за свободу одержали победу только благодаря поддержке НАТО, только благодаря наземным операциям Катара, ОАЭ и английского и французского спецназа. Это тоже факт. Иначе бы они были раздавлены армией. То, что сейчас дело ведут в Сирии к интервенции не сегодня, так завтра, от этого тоже никуда не уйдешь. А с чего, собственно говоря, все началось? Великий человек приехал в Бенгази, серый кардинал при Саркози, посмотрел и по обычному телефону позвонил Саркози, сказал, что скоро Каддафи падет, и нужно вмешаться, нам за это нефть обещают.

Борьба за демократию. Подумайте, кто за нее борется? Катар – абсолютная монархия. Есть Консультативный совет из 35 человек, назначаемых эмиром. Саудовская Аравия – абсолютная монархия, где до сих пор женщин бьют палками, если они осмелятся сесть за руль. Объединенные Арабские Эмираты – да, страна более демократическая, эмир изби-

рается из Совета эмиров, парламент играет роль консультативного совета (не более того). Вот эти страны за демократию и борются. Парадокс, правда?

Цели. С Западом ясно – прорваться к ливийской нефти, которую не в таких количествах давали, как им хотелось, выкинуть иранцев из Сирии, свергнуть последний националистический режим. А что катарцы, эмиратцы, саудовцы... В Сирии тоже самое. Это борьба между Ираном и аравийскими монархиями на сирийской поле. Если брать внешний аспект, свергнуть еретика Каддафи – богоугодное дело, свергнуть секуляристский режим Мубарака – еще более богоугодное дело. А затем свергнуть проклятый атеистический режим, который стоит у власти в Сирии. Роль внешнего фактора, которая была, остается и будет. Я не берусь предсказывать ситуации в Арабском мире – это невозможно. Вспомните знаменитую притчу о скорпионе и черепахе. Там есть разные сценарии. Возьмем сценарий – нестабильность, приход к власти фундаменталистов. Такое впечатление, что, наступив однажды на грабли «Аль-Каиды», Запад упорно делает то же самое. Они что, хотят, чтобы самолет врезался в Эйфелеву башню? Кстати

говоря, это в свое время пыталась сделать вооруженная исламская группа, но ее перехватили. В этом отношении Бен Ладен просто занимался плагиатом у алжирцев.

Приход к власти фундаменталистов в Ливии более чем вероятен. В Сирии крах режима весьма вероятен. А что Саудовская Аравия? Она от этого гарантирована? Там фундаменталистов – сотни тысяч людей. Со стороны тех же фундаменталистов в Саудовской Аравии были террористические акты. Значит, существует один из вариантов – весь этот регион превратится в новый исламский эмират Афганистан со всеми вытекающими из этого последствиями, в том числе и для нас. Хороший вариант демократизации?! Все это было бы полбедой, но ведь беда еще в том, что там находится нефть. Как на это будет реагировать Запад? Я не знаю.

А что иранцы будут делать в этой ситуации? Говорили о нераспространении. Какова логика Ирана? Они на Ливию смотрят. Вот ливийцы отказались от ядерного и химического оружия, на них и напали. А на Северную Корею не нападают. Насколько я знаю, в Иране идет борьба между двумя тенденциями: то ли остановиться на пороге, то ли этот

порог перейти. То, что сделали с Ливией, это играет на руку тем, кто выступает за переступление порога как угрозы вооруженного вмешательства в дела Ирана.

Какой должна быть наша позиция? Чисто практические выводы. Первое – готовность отражения пропагандистского наступления на нас. То, что пропаганда будет усиливаться – это факт. Второе – и мы не гарантированы от военной интервенции. Представьте, если армия еще более ослабнет, если завтра вялотекущая война на Северном Кавказе перерастет в активную войну, что есть гарантия, что не захочет защищать борцов за свободу или с гуманитарной целью вмешаться. Значит, к этому тоже надо быть готовым. Нельзя ни в коем случае отказываться от тактического ядерного оружия. Какие цели мы должны преследовать? Правильно мы делаем, что предоставляем оружие Сирии или нет? С моей точки зрения, абсолютно правильно. То, что мы делали неправильно – это то, что мы голосовали за 1973 и ливийцам перестали давать оружие. Они не столько в оружии нуждались, сколько в нефти и боеприпасах. Если против государства выступают с оружием в руках, то это подавляется оружием. А что во

время двух чеченских войн мы занимались увещеваниями? Сейчас боевые действия в Дагестане и Карачаево-Черкесии – мы что пропагандой занимаемся? Иного пути, кроме поставок оружия тем, кого мы поддерживаем, нет. Наша политика, на мой взгляд, должна быть прагматичной.

Но прагматизм – это не значит узкое зашоривание. Нужно, чтобы прагматизм был направлен на перспективу, а это значит, что мы должны бороться за сохранение своих позиций. Мы можем идти и вместе с Западом когда-то, но мы должны отстаивать свои интересы. А наши интересы состоят в

том, чтобы добиваться закрепления там наших позиций, исходя из наших национальных интересов, причем, со взглядом на стратегическую перспективу. Это является самым главным, то, что мы должны учитывать.

Редакция журнала "Международная жизнь"
Главный редактор **Армен Оганесян**

Руководитель электронного издания -
Валентина Злобина

Редакторы -
**Елена Шашкина, Ольга Иванова,
Елена Студнева, Элана Толлю**

Дизайн, верстка, фотографии -
Максим Ковшенков

Адрес в интернете: <http://www.interaffairs.ru>,
электронный адрес: journal@interaffairs.ru

Адрес: 105064, Москва,
Гороховский переулок, 14
Телефон: +7 (499) 265-37-81
Факс: +7 (499) 265-37-71